

На берегу реки слуги, дожидавшиеся господина, порядком извелись. Однако никто не смел выказывать нетерпения — все стояли навытяжку, с неизменно любезными улыбками на лицах.

Один из них, чья шея уже затекла от напряжения, наконец пошевелился и бросил взгляд вдаль. Внезапно он замер, остолбенев от увиденного, и вскрикнул:

— Вы только посмотрите! Что это там!

— Чего ты орешь, как оглашенный... — старший по положению слуга, чей наряд выглядел заметно богаче, сперва одарил его гневным взглядом, а затем поднял голову, вглядываясь в указанном направлении.

Над лесом неподалеку поднимались густые клубы черного дыма, становясь всё плотнее и плотнее!

Дым почти сливался с тяжелыми, угольно-черными тучами, а в небе над ними неистовствовали фиолетовые молнии — зрелище, достойное самого ада.

Старший слуга в ужасе попятился, запутавшись в поводке огромного черного пса, который лежал у его ног. Собака залилась яростным лаем, а он сам завопил:

— Пожар! Горите!

Все вокруг в панике уставились на горизонт. Увидев чернильную гарь и багровые отсветы по краям лесной чащи, слуги окончательно потеряли голову.

Старший слуга, отупев от страха, перестал обращать внимание на лающую у ног собаку. Он метался кругами, вытаптывая траву в кашу. Наконец, с трудом взяв себя в руки, он увидел, что его подчиненные мечутся не лучше него, и в сердце его вспыхнула ярость.

— Чего встали! — он отвесил одному из них звонкую пощечину. Бедолага отлетел на землю, и на его щеке отчетливо проступил красный след от ладони.

— Живо на ту сторону, забирайте молодого господина! — взревел старший, так что на лбу у него вздулись вены, а глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

Человек на земле, прикрывая лицо, понурился. Остальные, дрожа, отозвались и, словно пельмени в кипятке, один за другим попрыгали в воду. Переплыв реку, они в промокших одеждах бросились врассыпную.

Лишь теперь старший слуга вспомнил о черном псе, который всё еще заливался лаем. Он опустил на колени и принялся бережно поглаживать шкуру животного, массируя натертую

ошейником шею.

Как главный слуга, ответственный за собаку господина, разве мог он полезть в воду вместе с этой челядью?

Хорошенько присмотреть за этим хвостатым предком на берегу — вот его истинная обязанность.

...

— Молодой господин! Вы где?

— В лесу пожар! Господин, вернитесь!

— ...

Гу Чжоушань очнулся от далеких криков.

Он лежал на земле, голова раскалывалась, тело онемело. Но стоило шевельнуться, как по всему телу разлилась острая боль, мгновенно вернувшая его в реальность.

Гу Чжоушань чуть повернул голову и, увидев неподалеку бездыханное тело воина в доспехах, с облегчением выдохнул.

Опираясь на уцелевшую руку, он медленно приподнялся и прислонился к стволу дерева. Даже эти простые движения выжали из него море пота.

С самого начала путь был смертельно опасен: тело работало на пределе, а разум был перегружен невыносимым напряжением. Только после того, как источник этого ужаса, воин в доспехах, наконец испустил дух, Гу Чжоушань позволил себе расслабиться. Усталость, которую он так долго сдерживал, навалилась непосильным грузом, и он провалился в забытие.

Если бы не эти крики, разносящиеся по всему лесу, неизвестно, сколько бы он еще пролежал без сознания.

Впрочем...

О чем они там кричали?

Пожар?

Гу Чжоушань опомнился, вскинул голову и сквозь густую листву, почти полностью закрывавшую небо, увидел серые, устремленные ввысь столбы дыма.

А в нос ударил густой, все усиливающийся запах гари!

Гора действительно горела!

Не обращая внимания на слабость и боль, Гу Чжоушань уцепился за дерево и встал. Переведя дыхание, он, волоча тяжелые ноги, бросился прочь.

Если не убежать — смерть!

Пожар, охвативший весь горный лес, был куда страшнее любого воина. Это была сама стихия!

Гу Чжоушань осторожно обходил слуг, которые всё еще метались в поисках господина, и, спотыкаясь, пробирался к выходу.

Чтобы скрыться от воина, они забрели в самую чащу, и теперь, с его израненным телом, путь назад казался почти невозможным. Но выбора не было: остановка означала конец.

Воздух наполнился тошнотворным запахом гнили и гари, от которого у него почти отказало обоняние. Он шел, полагаясь лишь на смутные воспоминания о том, как они сюда пришли.

Однако огонь распространялся быстрее, чем кто-либо мог себе представить. Тем более, с его темпом передвижения, соревноваться с пламенем было бессмысленно.

Даже не оглядываясь, он чувствовал, как сзади нарастает жар, грозящий обжечь кожу. Он не удержался и посмотрел назад: огонь, который еще недавно казался далеким, теперь был виден воочию — языки пламени плясали среди деревьев.

Этот яркий и беспощадный красный цвет наступал с пугающей скоростью.

Крики в лесу становились всё более паническими и надрывными.

— Проклятье... Откуда столько огня!

— Уходим! Скорее назад!

— Го-господин! Вы где... Помогите!

Голоса слуг, переходящие в визг, постепенно затихали, пока не стихли вовсе.

Он бежал, онемев от страха, а жар дышал в спину. Запах гари становился невыносимым.

Гу Чжоушань моргнул, и вдруг мир перед глазами начал блекнуть.

Хотя пламя еще не добралось до этого места, всё вокруг словно охватил невидимый огонь: деревья и сухие ветви на глазах желтели, скручивались и осыпались черным пеплом.

Внезапно он увидел воина в доспехах, который должен был быть мертв. Тот стоял впереди, а у его ног лежало тело безвинного беженца. Но сейчас на лице воина застыло точно такое же выражение глубокого ужаса, как и у его жертвы, — его тоже поглощало безжалостное пламя.

В конце концов он стал таким же, как те, кого он убил: в невыносимых муках превратился в горстку пепла.

Всё в этом лесу — и трупы беженцев в лохмотьях, и спесивый воин в богатых доспехах, и эти жалкие слуги — все их грехи и страдания были стерты с лица земли этим всепожирающим огнем.

Не осталось никаких следов.

В душе Гу Чжоушаня забрезжило странное понимание.

Неужели...

Если бы не его вмешательство, именно так развивались бы события в этом мире?

В его маленькой голове возник другой вопрос.

Даже если бы он не рискнул жизнью, убивая воина, быть может, достаточно было просто дождаться этого пожара, чтобы спастись?

Гу Чжоушань снова не удержался и обернулся, надеясь, что пламя позади него тоже станет невидимым.

Но в тот же миг яркое, неистовое пламя бесшумно накрыло его, поглотив целиком.

Он снова погрузился во тьму.

...

На обочине дороги в пригороде города G с дерева упало нечто черное и обугленное. Передняя часть существа была скрыта в траве, но жалкий обгоревший хвост торчал снаружи, свидетельствуя о пережитых мучениях.

Мимо медленно проезжал автомобиль и остановился неподалеку.

Дверь открылась, мужчина вышел на обочину и, окинув взглядом траву, сразу заметил приметную кроху.

Он наклонился и поднял маленькую черную змейку. Глядя на то, как угольно-черный налет стирается под его пальцами, обнажая ослепительно белую чешую, он опустил глаза и едва заметно улыбнулся.

В следующее мгновение змейку аккуратно поместили в заранее приготовленный в машине термоконтейнер.

Черный автомобиль развернулся и неспешно направился обратно в город.

...

Гу Чжоушань очнулся в тепле.

Нежные лучи солнца согревали его спину, воздух был приятно влажным, а под ним лежала сухая, мягкая древесная стружка.

В полудреме Гу Чжоушань вытянул свою шею, покрытую пестрыми узорами, наслаждаясь живительным солнечным теплом.

<http://bllate.org/book/19542/1917017>